

На заметку стихотворцу

Памятные литературные даты апреля

3 апреля – 80 лет со дня рождения **Михаила Филипповича Шатрова** (1932 – 2010), замечательного советского драматурга, автора пьес: «Чистые руки», «Место в жизни», «Именем революции», «Глеб Космачев», «Современные ребята», «Шестое июля», «Тридцатое августа», «Большевик», «Лошадь Пржевальского», «Погода на завтра», «Синие кони на красной траве», «Так победим!», «Февраль»; публицистических статей, очерков, рецензий.

6 апреля – 200 лет со дня рождения **Александра Ивановича Герцена** (1812 – 1870), русского писателя, публициста, автора повестей: «Доктор Крупов», «Сорока-воровка»; романов: «Кто виноват?», «Былое и думы»; книг «О романе из народ-

ной жизни в России», «Западные книги», «Новая фаза в русской литературе»; философских сочинений: «Письмо об изучении природы», «Дилетантизм в науке», «Беседы с детьми»; исторических работ, в том числе «Развитие революционных идей в России», множества очерков.

10 апреля – 195 лет со дня рождения **Константина Сергеевича Аксакова** (1807 – 1860), русского писателя, критика, автора брошюры «Несколько слов о поэме Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души»; статей: «Обозрение современной литературы», «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», «Еще несколько слов о русском воззрении», «Записки царю Александру II о внутреннем состоянии России», публицистической лирики, повестей, пьес.

10 апреля – 75 лет со дня рождения **Беллы Ахматовны Ахмадулиной** (1937 – 2010) советской поэтессы, автора книг стихов: «Струна», «Уроки музыки», «Стихи», «Метель», «Тайна»; поэм: «Моя родословная», «Сказка о дожде», «Приключение в антикварном магазине»; многочисленных переводов, в особенности с грузинского.

24 апреля – 75 лет со дня рождения **Владимира Ивановича Фирсова** (1937), советского поэта, автора книг стихов: «Березовый рассвет», «Горицвет», «Рябиновый пожар», «Чувство Родины», «Наследство», «Зеленое эхо», «Музыка души»; книги поэм «Набатные колокола», сборника стихов и поэм «Глазами века», переводов.

Из стихов наших юбиляров

Зеленое эхо

Бросить все
И уехать,
Уехать туда,
Где зеленое эхо
Отражает вода;
Где из чашечек лилий
Пьют стрекозы росу
И аюкают ливни
В притихшем лесу;
Где в июле,
Шагая
От зари до зари,
Громко песню слагают
На лугах косари...

Владимир Фирсов

Весна

Краснеет лес, темнеют степи,
Весенний ветер потянул...
И тают ледяные цели,
Везде движение и гул.

Отраднo мягок воздух; птица
Напев тревожный свой ведет;

Надеждою сияют лица:
Зима прошла, весна идет.

Весна идет!

Но власть не скоро
Зима свою уступит ей,
И силой грозного отпора
Не раз смутит сердца людей.

Вдруг ветер с севера завоюет,
Метель с морозом налетит,
И снова землю снег покроет...
Опять зимы суровый вид!

Но этот снег не страшен, -
даром

Что вид зимы с собой несет.
«То новый снег идет

за старым», -
Премудро говорит народ.

Не устрашат нас ни морозы,
Ни снег весеннею порой.
Простим бессильные угрозы
Зиме, идущей на покой!

Константин Аксаков

Апрель

Вот девочки - им хочется любви.
Вот мальчики -

им хочется в походы.
В апреле изменения погоды
объединяют всех людей

с людьми.

О новый месяц, новый государь,
так ищешь ты к себе

расположенья,
так ты бываешь щедр
на одолженья,
к амнистиям склоняя календарь.

Да, выручишь ты реки из оков,
приблизитишь ты любое отдаленье,
безумному даруешь

просветленье
и исцелишь недуги стариков.

Лишь мне твоей пощады не дано.
Нет алчности просить

тебя об этом.

Ты спрашиваешь -
медлю я с ответом
и свет гашу, и в комнате темно.

Белла Ахмадулина

Парадокс Шатрова

«Есть в наших днях такая точность, что мальчики иных веков, наверно, будут плакать ночью о времени большевиков», - написал в 1940 году молодой поэт Павел Коган. Какими слезами будет отмечено «время большевиков», он и не предполагал...

«Большевики» - назвал одну из своих самых знаменитых пьес Михаил Шатров. То была заключительная часть театральной трилогии, которую замыслил Олег Ефремов в своем «Современнике» в честь 50-летия Октября. Леонид Зорин - «Декабристы», Александр Свободин - «Народовольцы», и - Шатров. В полном согласии с «Кратким курсом». Две первые вещи вышли благополучно, с третьей случилась осечка: запретила цензура! Но министр культуры СССР Екатерина Фурцева распорядилась играть спектакль - под свою личную ответственность. Так его и играли, не «залитованным» в течение полугода. О том много рассказано самими участниками событий. Рассказано, правда, не все. Кое-что можно добавить.

Пока «лита» не было, пресса о спектакле молчала. Когда же разрешение наконец поступило, завлит «Современника» Елизавета Котова мгновенно обзвонила редакцию.

Зал был битком, актеры играли, как в последний раз. Когда в финале Кваша-Свердлов начал «Интернационал», пение на сцене подхватил и зал, поднявшийся с мест. Общая готовность идти в последний и решительный бой была налицо. Против чего? Да против всего, что обрыдло.

Такое случилось событие. Непредсказуемой оставалась реакция тотально управляемой в те времена прессы и прежде всего «Правды», с которой

спорить было не принято. Вот если ее опередить с положительной оценкой... Шанс на то, что другие газеты последуют за сказавшим «а», резко повышался.

Парадокс или, если хотите, казус Шатрова: оказывается, содержательный потенциал его лучших пьес в определенном смысле не потерял своей злободневности и сегодня. Вряд ли при нашей жизни мы снова увидим их на сцене, но и перечитывание навеивает размышления. Пресловутые ленинские нормы жизни, на которые нас когда-то призывали равняться, и сегодня могли бы звучать укором гильбе и явно преждевременным для России роскошеством олигархов и чиновников с их бесстыдством, коррупцией и наглостью. Пристало ли так в по-прежнему нищей стране, вымирающей, с жуликоватой медициной, проституцией, беспризорниками! Не случайно, может быть, у Олега Ефремова возникла мысль возобновить уже при Ельцине «Так победим!». Опять получилось бы диссидентство.

В конце-то концов историю не следует изучать по художественным произведениям, для этого есть архивы, мемуары, учебники. Шатровский Ленин, условно говоря, «держится» не на тех цитатах, которые в свое время собрал Владимир Солоухин. У Солоухина Ленин - зверь, у Шатрова - страдающий политический ангел. Но Шатров творил свою политическую утопию, сопрягая главный образ со злобой дня. Аллюзии, намеки, подтексты, сопоставления «работали» у него во всю мощь укора все более костенеющему, тоталитарно-административному, геронтологическому порядку.

Эпохи имеют свойство заканчиваться. Важно уметь вовремя поблагодарить их за уроки.

Первое апреля - День смеха

На спине записка,
Кнопка на сиденье:
Шутки все уместны
В этот день весенний.
Очень важно, хоть и сложно
Никому не верить,
В этот праздник всё возможно,
Первого апреля.
Ты сегодня грустным быть
Даже не пытайся,
Всех друзей развеселить
Лучше постарайся!

Путевые байки Анны Мирной

Чего только не услышишь в электричке! Обрадованные пустым времяпрепровождением, так редко достоящимся в нынешней суматошной жизни, особенно расходятся речистые деревенские бабоньки. Диковинные фабулы, интонации с придыханием, аханье разомлевших в тепле слушателей...

Пасхальный подарок

Сегодня сквозь полудрему слышу с лавочки напротив «магия... магия...». И вдруг за этими таинственным словом совершенно не приличествующий случаю взрыв хохота. Глаза распахнулись сами собой. Что происходит?

- Дык слушай же, слушай меня, Марусю, дальше! - пыталась успокоить расхолодившуюся волнами по вагону смешливость дородная крестьянка. - Захожу, значит, я утром к бабке Олене. Та сидит за столом и так отупело глядит перед собой. Дед с кровати таращит глаза на ее руки. На мое здравствование никакого ответа. Я - к столу. Глядь, а под руками у Олены такая коробушка. На картинке фен - волосы, значит, сушить. Подарил что ли кто? К чему бы? Бабке такая безделица - что Буренке седло. А Олена будто шепчет что-то. Я наклонилась.

- Магия... Магия...
- Что ты, соседка? Приболела чай?
- Магия. Ох, магия...

Затревожилось мне. Я к деду. И от него толку не добыюсь. Крутит головой да мычит. Да что случилось-то, сродники?

Оказалось, вчера под вечер - они как раз сумерничали - два молодца в дверь. Статные, глаза ясные - прямо джентельмены с картинки. У нас в деревне про таких бают: алигантные.

Бух! - коробку гости на стол: «Вот вам, бабушка, от дедушки пасхальный подарок».

И пошли соловьем заливаясь. Дескать, у ихней фирмы именины сердца, и они вот на личном топливе разъезжают по захолюстью и одаривают очень заслуженных старичков и старушек.

Олена глядь на деда, а он ноги свесил с кровати да рот раскрыл - ну пень пнем.

Потрогала она коробку, а оттуда вылезает этот самый фен. Она глаза вытаращила: на кой ляд ей фен-то? Волосы перед смертью кудрить что ли? Ну ладно бы тапки белые, а еще бы лучше - галоши, глядишь, до весны доживет. На худой конец хоть гребешок заваливший!

Один из «алигантных», видно, догадался что ей «дедов» подарок не по душе пришелся. Снова свой «кэйс» открыл. Вытягивает гирлянду лампочек на елку. «А это, - говорит, - бонус!»

Бабка так и подскочила, аж вставная челюсть треснула. То ли ей в этом слове пуд взрывчатки почудился, то ли еще что. Опять на деда - глядь. А он по-прежнему что твой столб: ни звука, ни вздоха. Ее-то боевой мужик!

Соседушка моя руками по столу и завозила. То на один край сгребет подарочки, то на другой. А молодые чуют, дело с бабкой неладное, заторопились и так вежливо покружили краешки: «С вас две тыщи рублей».

У ее мужика аж тапки свалились. Как ватная, достала тетя Олена кошелек - он и спрятан был недалеко, час назад пенсию привезли. Пожелали ей молодые счастья в личной жизни и закрыли за собой дверь.

До ночи сидели соседи друг супротив дружки. Да так, ни слова не вымолвив, и легли.

Под утро Олена вскочила да как хватится!

- Батюшки, что наделала, своими руками пенсию городским щенкам отдала.

К деду за занавеску:

- Мухомор старый!

А он и не заснул. Сидит на своем матрасе, сигарету разломал и пересыпает табак из одной ладошки в другую. Туда-обратно, туда-обратно.

Соседка совсем очумела. Мало того, чужаки деньги выпросили, еще и деда с ума своротили! Завыла волчицей.

Тут дед и вернулся в себя. Подскочил к столу, черпнул ковшом из ведра: чох бабке на голову! Она на него глаза вытаращила, а он только и вымолвил: «Магия!»

Вагонный народ держался за животики. Я сама вытирала невольные слезы. Не смеялась только почему-то пожилая женщина, стоявшая в нашем проходе. Когда же пассажиры проикались и вагон умиротворенно затих, женщина наклонилась к рассказчице:

- Слышь, Маруся, а ведь это мой грех, что молодые к Олене-то зашли.

Эти двое в деревне с нашего дома начали. Прямо на пороге и сунули мне «подарок» - какое-то женское белье. Я увидела кружевную бюстгальтер, да от смущенья перехватила его в руку. А один из парней поторопился:

- С вас пятьсот рублей!

Я и опомнилась.

- За что же денежки, сынок, я ничего не покупаю!

Тут сын из гаража обернулся:

- Что-то подарки твои, коробейник, дорого обходятся. Старикам стыдно тебе пинка дать, а ты без совести у них последнее отымаешь.

Они так с достоинством попрощались и сиганули с крыльца. Да видно, теми же ногами - к шабрам. Я к Олене с Тимофеем, пожалуй, сегодня загляну, пожалуй стариков. Не виноваты они, что душа зла не помышляет. Сами честно прожили, и на других плохое не думают. А времена наступили совсем не те...

Конца разговора я не услышала. Промурлыкал мобильник в сумке. Достала, читаю сообщение. После привычного обращения по имени текст: «Срочно ответить, нужно 900 рублей, я в беде!» И родная подпись. Все внутри помертвело и ухнуло вниз. А тут еще остановка. Соседи по лавке начали собирать детей и кошельки. Палец никак не попадал на команду «Ответить». Наконец в трубке прозвучало: «Алло! Деньги ...» Шумел входящий народ, лаяла собачонка, поезд загудел. Я только успела выкрикнуть: «Деньги приготовила. Куда везти?»

И тут передо мной он - мой родной. Стоит у лавки, улыбается. За плечами рюкзак, под мышками - по свертку. Да у него и телефона-то в руках нет! Перевожу взгляд то на него, то на свой мобильник, спрашиваю:

- Ты мне звонишь или нет?

Он уже не улыбается. Смотрит тревожно:

- Что случилось?

Молча протягиваю телефон. Он долго слушает короткие гудки. Просматривает последние вызовы и сообщения. Садится рядом и обнимает меня. Я уже не вытираю слез. Они совсем другие - безутешные, злые. Горькие.